

О Н У П А Л

С Н Е Б Е С

ТРОЯ. ЧУДЕСНЕЙШЕЕ ЦАРСТВО НА ВСЕМ БЕЛОМ свете. Жемчужина Эгейского моря. Блистательный Илион, город, воздвигшийся и павший не единожды, но дважды. Царство золота и лошадей. Суровый пестун провидцев, царевичей, героев, воинов и поэтов. Под защитой АРЕСА, АРТЕМИДЫ, АПОЛЛОНА и АФРОДИТЫ стояла Троя воплощением всего, чего можно достигнуть в искусствах войны и покоя, торговли и сделок, любви и ремесла, державности, благочестия и гражданской гармонии. Когда же пала она, разверзлась брешь в мире людей, какую не затянуть никак — только лишь в памяти. Да воспоют поэты предание о Трое вновь и вновь, да передадут его из поколения в поколение, дабы не утратили мы вместе с Троей часть самих себя.

Чтобы постичь конец Трои, необходимо постичь ее начала. Многие перипетии и повороты предшествовали этой истории. Не счесть имен, характеров и семейств,

то появляются они на сцене, то исчезают. Нет нужды запоминать все имена, узы крови и брака, все царства и провинции. Повествование сложится, а важные имена застрянут в памяти — даю слово.

Всё на свете, включая Трои, начинается и заканчивается ЗЕВСОМ, царем богов, Владыкой Олимпа, Хозяином грома, Пастырем туч и Повелителем бурь.

Давным-давно, чуть ли не до зари человеческой истории, Зевс уестествоил Электру — красавицу-дочь титана Атланта и морской нимфы Плейоны. Электра подарила Зевсу сына ДАРДАНА, он странствовал по всей Греции и по островам Эгейского моря, ища, где б ему обустроить свою династию. Наконец причалил к ионийскому берегу. Если вам не доводилось посещать Ионию, знайте: это земля на востоке Эгейского моря, звалась она Малой Азией, но мы теперь именуем ее турецкой Анатolieй. Имелись там великие царства Фригия и Лидия, но эти места были заняты и ими уже правили, а потому осел Дардан на севере, заняв полуостров, расположенный пониже Геллеспонта — пролива, в который свалилась со спины Золотого барана Гелла. Много лет спустя в поисках руна того самого барана через Геллеспонт проплыл ЯСОН. Очарованный Леандр еженощно переплывал Геллеспонт, чтобы воссоединиться со своей возлюбленной Геро¹.

¹ Истории о Гелле, Золотом баране и Ясоне вы найдете в «Героях», а трагедию Геро и Леандра — в «Мифе». И в дальнейшей истории этот же пролив, ныне

Город, основанный Дарданом, был поименован — с малой фантазией и еще меньшей скромностью — Дарданом, а все царство называлось Дарданием¹. После смерти царя-основателя правил старший из трех его сыновей — Ил, но умер он бездетным, и престол отошел среднему сыну Дардана ЭРИХТОНИЮ².

При Эрихтонии царили покой и благополучие. Под сенью горы Иды край Эрихтония питали милостивые речные боги Симос и Скамандр, одаряя земли великим плодородием. Эрихтоний постепенно стал богатейшим человеком в обозримом мире и прославился своими тремя тысячами кобылиц и их бесчисленными жеребятами. Северный ветер Борей обернулся диким жеребцом и породил замечательную породу лошадей от молоденьких кобылок Эрихтониева стада. Потомство получилось таким резвым и легконогим, что мчало по хлебным полям, не сминая ни единого колоска. Так говорят.

Лошади и богатства: всякий раз, стоит речи зайти о Трое, мы говорим о чудесных конях и непомерных соковищах.

именуемый Дарданеллами, был причиной ужасных войн в окрестностях города, который греки звали Прекрасным, *Калли Поли*; со временем это название превратилось в Галлиполи. — *Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.*

- 1 По некоторым сведениям, Дардан присоединил к своим владениям или даже захватил уже существовавшее царство, основанное царем Тевкром, сыном речного бога СКАМАНДРА и ореады — горной нимфы — Идеи. Этого Тевкра не стоит путать с лучником — его тезкой, с кем мы познакомимся далее. В позднейшей поэзии и хрониках троянцев иногда звали тевкрами.
- 2 В честь Идеи, младшего из трех сыновей Дардана, стала называться гора Ида, величайший горный пик к югу от Дардании.

⊗ ⊗ ⊗ **О С Н О В А Н И Е** ⊗ ⊗ ⊗

ПОСЛЕ СМЕРТИ ЭРИХТОНИЯ ПРЕСТОЛ УНАСЛЕДОВАЛ его сын ТРОЙ. У Троя была дочь Клеопатра и три сына — ИЛ (названный в честь дяди), Ассарак и ГАНИМЕД. История царевича Ганимеда хорошо известна. Столь непревзойденной была его красота, что всепоглощающая страсть одолела самого Зевса. Приняв облик орла, он слетел с небес и утащил юношу на Олимп, где Ганимед сделался любимым прислужником Громовержца, его товарищем и виночерпием. Дабы воздать Трою за утрату сына, Зевс послал к нему ГЕРМЕСА с подарком — двумя божественными лошадьми, до того стремительными и легкими, что могли они скакать галопом по воде. Утешили Троя и эти волшебные животные, и заверения, что Ганимед теперь — и, по определению, вовек — бессмертен¹.

Новый город основал брат Ганимеда Ил и назвал его в честь Троя. Царевич Ил стал победителем среди борцов на Фригийских играх, в награду получил пятьдесят юношей и пятьдесят девушек, а вдобавок — что важнее — корову. Корову исключительную, которую оракул велел Илу использовать при основании города:

— Где эта корова ляжет, там и строй.

Если б Ил слышал историю о КАДМЕ — а кто ж ее не слышал? — он бы знал, что Кадм с Гармонией, исполняя

¹ Так и есть — виночерпий наделен двумя вечными жизнями в ночном небе: как созвездие Водолея и как одна из лун своего возлюбленного Юпитера (у всех планет — римские имена богов).

указания оракула, двинулись за коровой и подождали, пока животное не уляжется и тем самым не укажет, где строить поселение, в дальнейшем ставшее Фивами, — первым великим городом-государством Греции. Может показаться, что практика поручения коровам выбора, где закладывать город, спорна и диковинна, но если вдуматься, не такая уж она и странная. Там, где стоять городу, должно быть вдоволь мяса, молока, кожи и сыра для горожан. Уж не говоря о сильных тягловых животных — волах, чтобы пахать поля и таскать повозки. Если условия в округе кажутся корове достаточно благоприятными и она решает здесь прилечь, на это стоит обратить внимание. Так или иначе, Ил с готовностью последовал за полученной в награду телкой из Фригии на север вплоть до Трояды¹, мимо склонов горы Иды и на великую равнину Дардании — и вот здесь-то, неподалеку от Дардана, первого города, построенного дедом Ила, коровка наконец улеглась.

Ил огляделся. Хорошее место для нового города. На юге возвышался массив горы Иды, а поодаль, к северу, пролегал Геллеспонт. На востоке виднелось Эгейское море, а по самой зеленой плодородной равнине вились реки Симос и Скамандр.

Ил преклонил колена и помолился богам — пусть ниспошлют знак, что ошибки нет. Ответ последовал мгновенно: с неба упал перед Илом, подняв облако пыли, деревянный предмет. Высотой примерно с десятилетнего

1 Весь полуостров тоже стал называться в честь Троя.

ребенка¹, это была вырезанная статуя АФИНЫ ПАЛЛАДЫ с копьем в одной воздетой руке и с прялкой и веретеном в другой — символами искусств войны и искусств мира, которым покровительствовала сероглазая богиня.

От вида столь священного предмета Ил мгновенно ослеп. Прозрения в дела олимпийцев ему хватало, а потому он не переполошился. Вновь пал он на колени и вознес к небесам молитвы благодарности. Через неделю усердных радений Ил был вознагражден: зрение вернулось к нему. Бурля обновленной силой и пылом, немедля взялся он закладывать основание своего нового города. Улицы он спланировал так, чтобы расходились, как спицы колеса, от центрального храма, который Ил собирался посвятить Афине. В святилище храма он поместил деревянную статую Афины Паллады, что упала с неба, — *ксоан*, Оберег Трои, символ и подтверждение божественности города. Пока этот священный тотем не осквернен, стоять Трое и процветать. В это верил Ил — и люди, что собрались вместе с ним строить и населять новый город. Деревянную статую они называли Палладием, город в честь отца Ила поименовали Троей, а самих себя — троянцами.

Вот какая династия основателей получается: от Дардана к его сыновьям Илу Первому и Эрихтонию, чей сын Трой породил Ила Второго, в честь которого Троя носит еще одно название — Илион².

1 Три локтя в древнегреческой системе мер, то есть примерно 4 фута 6 дюймов [около 137 см — *примеч. перев.*] в высоту. Подобные деревянные культовые скульптуры божества (обычно богини) назывались *ксоанами*.

2 Отсюда происходит название эпической поэмы Гомера «Илиада».

П Р О К Л Я Т И Я

Существовала в Ионии и другая царственная династия, о которой нам полагается помнить: ее важность переоценить трудно. Возможно, вы уже знаете историю царя ТАНТАЛА, правившего Лидией, царством к югу от Трои. Тантал подал богам жаркое из своего сына ПЕЛОПА¹. Боги вернули юноше Пелопу тело и воскресили его, он вырос и стал пригожим и любимым в народе царевичем, а также любовником ПОСЕЙДОНА; бог моря подарил ему колесницу, запряженную крылатыми конями. Та колесница привела к проклятию, приведшему к... приведшему едва ли не ко всему вообще.

Беззаконие Тантала возмутило владыку Трои так же, как и всех остальных, и Ил военной силой изгнал Тантала из тех краев. Казалось бы, Пелопу ли возражать против изгнания отца: в конце концов, Тантал убил собственного сына, покروшил и подал олимпийцам фрикасе из него, — но куда там. Не успел Пелоп возмужать, как собрал армию и напал на Ила, однако Ил его легко одолел. Теперь уже пришел черед самому Пелопу убираться из Ионии, и устроился он в землях далеко на западе, на полуострове в материковой части Греции, названном в его честь

1 Зевс покарал Тантала вечной мукой в Преисподней: до воды и плодов рукой подать, но никак не дотянуться. См. «Миф», стр. 343. [В пер. «Илиады» Н. Гнедича (опубл. 1829) — Пелопс. В целом в тех случаях, когда на русском языке бытует несколько вариантов передачи имен собственных, при выборе мы руководствовались единой логикой, сложившейся в переводах книг «Миф» и «Герои». — *Примеч. перев.*]

Пелопоннесом. На той замечательной земле возникли прославленные царства и города — Спарта, Микены, Коринф, Эпидавр, Трезен, Аргос и Писа. Эта Писа — не итальянский город с наклонной башней, конечно, а греческий город-государство, которым, когда явился Пелоп, правил царь ЭНОМАЙ, сын Ареса, бога войны.

У Эномая была дочь ГИППОДАМИЯ, чья красота и родословная привлекали множество ухажеров. Эномай страшился пророчества, предсказывавшего ему смерть от руки зятя. Но не водилось в ту пору монастырей, куда можно было упрятать дочь, а потому Эномай решил оставить ее в старых девах иным способом: объявил, что Гипподамию отдаст в жены лишь тому, кто победит его в гонке на колесницах. В этом условии имелась заковыка: награда-то за победу, может, и рука Гипподамии, зато цена *проигрыша* — жизнь соискателя. Эномай считал, что не сыщется колесничего ловчее его на всем белом свете, а потому не сомневался, что дочь навеки останется незамужней и зятя, какого пророчество сулило ему в убийцы, не возникнет. Вопреки внушительной цене проигрыша и непревзойденной репутации Эномая-колесничего, восемнадцать смельчаков приняли вызов. Велика была красота Гипподамии, а возможность заполучить и ее, и богатый город Пису заманчива. Те восемнадцать состязались с Эномаем — и все восемнадцать проиграли: их головы в разных стадиях разложения украсили шести вокруг ипподрома.

Когда Пелоп, изгнанный из своего царства в Лидии, прибыл в Пису, красота Гипподамии покорила его тут же.

В свои силы наездника он, конечно, верил, однако счел разумным обратиться за дополнительной помощью к своему бывшему любовнику Посейдону. Бог моря и лошадей с радостью прислал с волной колесницу и двух крылатых жеребцов великой мощи и прыти. Чтобы уж точно все получилось без промаха, Пелоп подкупил МИРТИЛА, колесничего Эномая и сына Гермеса, чтоб тот помог Пелопу выиграть гонку. Миртил (воодушевленный обещанием полцарства Эномая и одной ночи в постели с Гипподамией, в которую тоже был влюблен) ночью накануне заезда прокрался в конюшни и заменил бронзовые втулки на колесах Эномаевой колесницы на восковые.

Назавтра, когда началась гонка, юный Пелоп ринулся вперед, но столь искусен был Эномай в этом деле, что вскоре начал догонять соперника. Почти настиг он Пелопа и занес было копье для смертоносного удара, но тут восковые втулки не выдержали, колеса слетели с осей и Эномая до кровавого месива затоптали его же лошади.

Миртил потребовал своей заслуженной, как он считал, награды — ночи с Гипподамией, но царевна прибежала к Пелопу жаловаться, и тот сбросил Миртила со скалы в море. Перед тем как утонуть, Миртил, барахтаясь в воде, успел проклясть Пелопа и всех его потомков.

Миртил — не самый известный древнегреческий герой. И все же та часть Эгейского моря, куда он свалился, и поныне зовется Миртойским морем. Бессчетные годы местные жители ежегодно приносили Миртилу жертвы в храме его отца Гермеса, где лежало забальзамированное тело возничего. Столько почитания — и все какому-то

похотливому слабаку, принявшему взятку, которая привела к гибели его же царя.

Но вернемся к проклятию, наложенному на Пелопа. Оно важное. Ибо у Пелопа и Гипподамии родились дети. А у тех детей родились свои дети. И проклятие Миртила пало на них всех. И нам предстоит в этом убедиться.

Если есть в этой повести — повести о Трое — смысл или мораль, они сводятся к простой старой истине: у действий бывают последствия. Сотворенное Танталом отяготилось деяниями Пелопа, и поступки обоих навлекли погибель на важнейший в Греции царственный дом.

Того и гляди, царственный дом Троя тоже, в свою очередь, навлечет на себя проклятие...

Владыка Ил скончался, и престол Трои занял его сын ЛАОМЕДОНТ¹. Ил был благочестив, прилежен, трудолюбив, честен и рачителен, Лаомедонт же оказался жаден, тщеславен, нерадив, дерзок и коварен. Скаредность и честолюбие подтолкнули его к тому, чтобы укрепить Трою еще больше, обнести ее мощными защитными стенами и бастионами, золотыми башнями и турелями, — пусть тем самым обретет город величие, какого не видывал доселе белый свет. Впрочем, чтобы воплотить эту затею, Лаомедонт предпринял нечто по нашим понятиям странное, но во времена, когда боги и люди населяли

1 В пер. «Илиады» Н. Гнедича — Лаомедон. — *Примеч. перев.*

землю вместе, это все еще было возможно: он привлек к работе двух олимпийских богов — Аполлона и Посейдона. Бессмертные не гнушались мелкой сдельщиной, и эти двое принялись за строительство с пылом и умением — нагромоздили исполинские гранитные валуны, обтесали их до опрятных блоков и возвели великолепные сверкающие стены. Совсем скоро труды их завершились, и свежееукрепленная Троя теперь гордо высилась посреди равнины Илиона — величественная и устрашающая крепость, каких не бывало доселе. Но когда Аполлон и Посейдон явились к Лаомедонту за платой, он поступил так же, как и многие домовладельцы дальнейших эпох, — поджал губы, втянул воздух промеж зубов и покачал головой.

— Нет-нет-нет, — проговорил он. — Бастионы наклонные, а я заказывал прямые. И южные ворота совсем не такие, как я хотел. А уж контрфорсы-то! Все не так. Ой ты ж батюшки, нет, за такую паршивую работу я заплатить никак не могу.

Говорят, у дураков золото не задерживается, но стоило бы еще добавить, что те, кто вообще отказывается расставаться с золотом, — дураки величайшие.

Месть обманутых богов была стремительна и беспощадна. Аполлон наслал за стены Трои чумных стрел, и через несколько дней вознесся над Троей вой и стон: смертельный недуг сразил по меньшей мере кого-нибудь одного в каждой семье. В то же самое время Посейдон наслал на Геллеспонт громадное морское чудовище. Всякое водное сообщение между востоком и западом из-за этого лютого зверя прекратилось, и Троя вскоре изголодалась без

торговли и пошлин, от которых зависело благополучие города.

Вот тебе и палладий, вот тебе и Оберег Трои.

Устрашенные граждане валом повалили ко дворцу Лаомедонта и потребовали помощи. Царь обратился к жрецам и провидцам, и те оказались единодушны.

— Слишком поздно платить богам золото, какое задолжал ты им, владыка. Умилостивить их теперь можно только одним способом. Придется пожертвовать морской твари дочь твою ГЕСИОНУ.

Детей у Лаомедонта было навалом¹. Пусть дочь Гесиона и ходила в любимицах, свои плоть и кровь значили для царя больше, чем, как говорится, одна с ним плоть и кровь, и Лаомедонт понимал, что, пренебреги он советом провидцев, перепуганное и озлобленное население Трои повет его на клочки и Гесиону в жертву принесет в любом случае.

— Пусть так, — проговорил он с тяжким вздохом и досадливо мотнул головой.

Гесиону забрали, приковали к скале над Геллеспонтом, и стала она ждать своей гибели в пасти морского чудовища².

Троя затаила дыхание.

1 Один из них, ТИФОН, женился на богине рассвета ЭОС, и Зевс одарил его бессмертием. Бессмертием — но не вечной юностью. А потому Тифон увядал, пока Эос не превратила его в кузнечика. См. «Миф», стр. 417.

2 Та же судьба постигла эфиопскую царевну Андромеду, спасенную ПЕРСЕЕМ, праправнуком ГЕРАКЛА. См. «Герои», стр. 52.